

Юрий Визбор:

«Это было три жены назад...»

**Неизвестные
страницы
из жизни вечно
влюбленного
человека,
которому
вчера
исполнилось бы
60**

гитары явно бы не хватило. Тот век рассыпался, как мел, который словом жить умел, что начиналось с буквы «Л», заканчиваясь мягким знаком.

Ада Якушева: «Визбор часто повторял бдюковское утверждение, что «только влюбленный имеет право на звание человека». И могу засвидетельствовать, что в этом состоянии он пребывал постоянно. Причем мне это было очень заметно. То он влюблялся в комсомольского секретаря, и тогда основными темами его разговоров становились формализм в работе с молодежью и проблемы отношений комсомольских поколений, а во взгляде сверкал непреклонный корчагинский огонек. Затем на горизонте появлялась отчаянная яхтсменка, и немелленно им приобреталась тельняшка, которую он почти не снимал с себя. Но, правда, она не занавивалась до дыр, поскольку наступала очередь его пристрастия к геологии или изучению фольклора. Возможно, поэтому многие удивлялись потом, сколь широк диапазон его познаний в самых разных областях.

Подозреваю, что из всех этих фрагментов он пытался вылепить цельный образ идеальной для него женщины. И скульптурной этой работе не видно было конца. Когда на свадьбе моей старшей дочери собрались все три жены Визбора—я, Женя Уралова и Нина Тихонова, я поделилась с ними этими наблюдениями, и они, кажется, согласились со мной. Так что у Визбора были все основания повторять шутовскую фразу Герлда: «Это было три жены назад...»

Кстати, он и не старался особенно скрывать предметы своих увлечений. Они обрета-ли достаточно подробные и узнаваемые черты в его пес-

нях, о них он даже сообщал в своих письмах. В одном из них я почерпнула строчку для своей песни, которую затем, в свою очередь, позаимствовал и Николай Добронравов. «Здравствуй, моя распадая, моя симфония и все десять глав романа в стихах! Я вернулся в Кандалакшу, такой небритый и грязный, каким ты отродясь меня не видела, разгулил радиостанцию, и вот пишу тебе. Что происходило за этот месяц, описать трудно так же, как восход луны в летнюю ночь. Скажу только, что очень непривычно после бревен в тотора держать в руках такой тонкий инструмент, как ручка...».

22/VII-57 г.
О, как давно это было... МГПИ, армия, первые визборские песни. И—работа. Кстати, большинство людей, фанатично влюбленных в его песни смутно представляют, чьей-то делал «Визбор Йосич», кроме как сочинял, катался на горных лыжах, лазал по скалам да снимался в кино.
«— Ты кто по профессии?
— Я журналист,— гордо сказал я.
— Ой как неудачно,— сказала она.
— Я — хороший журналист,— сказал я».

Повесть «Завтрак с видом на Эльбрус».
Журналистика, как заявил Визбор на одном вечере, «моя единственная профессия». «Сейчас я занимаюсь киножурналистикой, документальным кино. Получил пять премий за свои работы в документальном кинематографе. Три из них — международные. Сам не скажешь — никто ведь не узнает». Старшая дочь, Татьяна, приводит его дневниковую запись семидесятих годов. Обычный трудовой день: «Работали всю ночь в монтажной. В 9.00 поехали домой, проспал 17 минут, поднялся. Опять поехал на студию. В 20 ч. сдали картину окончательно Мамедову и все опять остались работать. Я записывал диктора и приехал домой в 6 часов утра. Две ночи без сна».

Но, несмотря на его фанатичное отношение к «единственной профессии», Визбор—образец дилетанта в британском понимании этого слова. Его творческая энергия расплескивалась в самые неожиданные стороны. О его актерских работах — кому не памятен Борман из «Семнадцати мгновений весны»? — знают все. Меньше всего известно о его таланте художника. Свидетельствует старый друг Визбора, зам. директора радиостанции «Юность» Максим Кусургашев: «Над моим столом — акварельный рисунок. Черные, с иглычатыми лапами ели на фоне ало-фиолетового заката. Это рисовал Визбор. Не знаю, считал ли он себя настоящим художником, но отдавался этому занятию серьезно и с увлечением. Ему очень нравились Рерих и Роквелл Кент. Строгие силуэты, скупые краски. И места на его рисунках пустынные и суровые. Возможно, поэтому он любил горы и Север».

И все же главное, за что его помнят и будут помнить,— песни.
Писать песни он мог в любое время суток, в любом состоянии и в любой компании. Любил сочинять «хором». Хотя иногда это заканчивалось конфузом. Ада Якушева: «Однажды мы с Юрой решили создать общую песню. Дело было на Неглинке. Моя свекровь Мария Григорьевна, подремывая, листала журнал. Маленькая дочка окопала, а мы, присев на тахту около дверей (комната ведь у нас была одна), принялись за песню. Тихонько споря и слегка поругиваясь, мы благополучно одолели четыре будущих куплета, а на пятом разразился скандал. «Встречать красивые рассветы»,— предложил Визбор. Я ужаснулась: «По мне «красивые рассветы» — это никак! Надо тогда объяснить эту красоту! Уж лучше в таком случае «дрожащие»! Настала черед возмутиться Визбору: «Во всех песнях рассветы только и делаю, что дрожат!» «И все-таки «дрожащие»,— настаивала я.— ведь у нас песня «Дорожная», и рассветы именно дрожат за вагонным окном!» «Нет, красивые!» — «Нет, дрожащие!» Я, всхлипнув, завернула сонную Таньку в одеяло и вместе с ней помчалась из дома в ночь, в пургу. За мной погнался ошарашенный Визбор. А за ним

Мария Григорьевна в халате и домашних тапочках, крича: «Мне плевать, какие у вас будут рассветы, но вы же ребенок застудите!». Я, конечно, вернулась, горестно плача. А рассветы стали — «холодные»...»

Давайте прощаться, друзья... Немного устала гитара, Ее благородный таракан Полна нашей болью до дна. За все расплатившись сполна, Расходимся мы понемногу, И дальняя наша дорога Уже за спиною видна. Из дневника Ады Якушевой:

«...утром приехал Максим и сказал, что Визбор тяжело болен. Диагноз плохой.

Хозяин дома Василий Михайлович Белов, человек спокойный и рассудительный, много лет проработавший сельским фельдшером, попытался успокоить нас, припомнив, что в подобных случаях может помочь отвар из цвентов картошки.

«Господи,— подумала я.— Возьми от меня и передай Юре мои силы!» А сил-то уже и не было. Ночью меня скрутила страшная судорога. Мне показалось, что я сама умираю. А когда утром очулась, увидела, что вся наша маленькая дачная команда: Максим, дети и преданная моя подружка Галка Ершова... уже ожидали с корзинками в руках. Нало было собирать цветы картофеля.

В Москве я сразу позвонила Юре:
— Давай держаться,— сказала я.— А то родили дочку, а сами разлеглись — это не честно.
— Давай держаться,— ответил он.
— Я забегу к тебе, ладно?
— Забегай, но ты меня, наверное, не узнаешь, я очень похудел.
— Ты меня тоже. Я вся синяя и щеки ввалились. Но я повешу на шею табличку с фамилией, как, помнишь, было у нас на вечере встречи выпускников института...

Это был наш последний разговор. Юра умер 17 сентября». Моя одежда на того, Кто, не присвоив ничего, Свое святое естество Сберег в дворцах или в бараках, Кто посреди обычных дел За словом следовать посмел, Что начиналось с буквы «Л», Заканчиваясь мягким знаком. Дневники и письма листал Андрей ПАВЛОВ.